

18+

В ЗАЛОЖНИКАХ У РОДИТЕЛЕЙ

НА РЕАЛЬНЫХ СОБЫТИЯХ

НАТАЛИ ДЭЛИСС

ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ДРАМА, В КОТОРОЙ КАЖДЫЙ УЗНАЕТ СЕБЯ

Натали Дэлисс

В заложниках у родителей

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=72381430

ISBN 9785006780385

Аннотация

Мишель растет в доме, где тишина опаснее крика, а кошки – единственные, кто не предает. Папа пьет, мама ругает, и девочка учится выживать: дышать тише, хотеть меньше, исчезать вовремя. «В заложниках у родителей» – художественный роман, основанный на реальных событиях. Это история боли, страха и хрупкой надежды. Для тех, кто знает, как страшно бывает дома. Это история не только боли, но и силы. Прочитайте ее, чтобы почувствовать: даже из темного дома можно прийти в свой свет и выбрать любовь.

В заложниках у родителей

Натали Дэлисс

© Натали Дэлисс, 2025

ISBN 978-5-0067-8038-5

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ОГЛАВЛЕНИЕ

- 4 Предисловие
- 8 Дома пахнет морем
- 21 Трещина души
- 45 Новый дом
- 53 Выкупить жизнь
- 64 У беды есть запах
- 86 Сделка, заверенная счастьем
- 100 Свет и затяжные сумерки
- 131 Не нужна
- 156 Авторитарный дом
- 195 Оттепель
- 206 Свой голос
- 229 Больше не больно

Предисловие

Некоторые истории не выдумываются. Они происходят рядом – в соседних квартирах, за стенкой, в домах, где по вечерам включают свет и закрывают двери.

Эта книга основана на реальных событиях. В ней нет героев и злодеев. Только взрослые, которые делают то, что умеют и хотят. И дети, которые в этом вырастают.

Иногда кажется, что любовь – это главное. Но она бывает разной. Оказывается, что и в любви можно задохнуться, если в ней нет свободы. А свобода – это следствие принятия и доверия. Но, чтобы их вместить, нужна внутренняя сила.

Бывает, добрые намерения не всегда лечат. А тишина становится тяжелее крика.

Ты взрослеешь – но остаешься в плену. Почти привычном, но все равно неуютном.

Мне хотелось рассказать эту историю без осуждения. Без трагизма. Для того чтобы показать, как сильно влияют поступки взрослых на детей. Дети не рождаются с инструкцией. Поэтому важно иметь смелость с ними познакомиться – по-честному. Иначе будет много ран.

Может быть, кто-то узнает в этой книге себя.

Может быть, кого-то она поддержит.

А кого-то, может быть, совершенно не тронет.

Я писала ее как правду, которая долго не имела голоса.

Если ты узнаешь в героях себя – знай: ты можешь на все влиять.

Если узнаешь своих родителей – может быть, тебе станет чуть легче понять их или принять, остановив бой внутри.

Если узнаешь своих детей – возможно, придешь к тому, что пора научиться слышать их по-настоящему.

Эта книга о том, что боль должна стать точкой роста. А в росте обретается свобода. Она звучит принятием, доверием, честностью и выбором – прежде всего, себя. И в этом рождается любовь.

Приятного прочтения, мой уважаемый читатель!

Местами будет тепло, иногда – печально, но в конце ты обрешь свет. Надеюсь, он поможет тебе идти.

A decorative border made of thin, elegant black lines. It features stylized leaves and small flowers at the corners, with flowing, vine-like lines connecting them to form a rectangular frame around the text.

Дома

пахнет

морем

Солнце медленно сползало к горизонту, нежно играя черными лучами с золотистыми локонами Мишель. Она с любопытством рассматривала божью коровку, прилетевшую на поясok ее ярко-желтого сарафана, бережно касаясь ее пятнистых крыльев тоненьким пальчиком. Смех маленькой сестры то и дело выталкивал ее из наблюдений за миром, беззаботным звоном заполнял двор, и умиленные возгласы молодых родителей аккомпанировали ему. Вокруг приятно пахло свежестью только что политых цветочных клумб – запах легкой прохлады после душного дня. Оседающие брызги воды объединялись в танце с солнцем и рисовали в воздухе маленькие радуги – чем неудержимо радовали Мишель.

Папа подкидывал разноцветный мяч маленькой Элен, и она его старательно ловила, звонко сопровождая детским восторгом каждый успешный бросок. Мама, изящная и утонченная, терпеливо разделяла с Мишель минутки познания мира. На ее лице был блаженный мягкий изгиб губ, а во взгляде – бездонное умиротворение.

Мишель еще не знала: все это не навсегда. Очень скоро и без предупреждения этот добрый фильм оборвется... Ну а пока... она радостно приветствовала свою жизнь.

Семья Мишель в составе мамы, папы и старшей сестры недавно (а может быть, и давно – в восприятии Мишель) переехала из другой страны в город у моря и поселилась в небольшом доме матери ее отца. Город часто наполнял-

ся приятным уютным соленым запахом моря, который щедро приносил ветер. Он проникал в каждый уголок, укрывал улицы влажностью и создавал ощущение, что за окном вот-вот послышится шуршание волн, а бездонное небо украсят крикливые чайки. Позже этот аромат станет для Мишель запахом дома.

Спустя 30 лет в поисках своего места в мире, стоя на берегу океана на другом материке, она вдруг ощутит родной запах – тепло мягко обнимет ее душу, и она наконец-то произнесет долгожданное: «Я дома».

В доме бабушки с ними жил своенравный черный кот, который, как и полагается взрослым котам, был вполне самостоятельным. Мишель уважала его, а он оберегал ее от своего внимания. Приходил в дом на кормежку, иногда на ночлег, а по вечерам величаво совершал обход своей территории, словно главный в прайде.

Все, что о нем помнит Мишель, – это как она, маленькая девочка, случайно наступила ему на хвост. Он недовольно взвизгнул и оскорбленно ушел под стол, оставив ее наедине с чувством вины, и как папа играл с ним ее любимой мягкой игрушкой – белой кошкой с розовой шляпкой. Он в кураже измененным голосом для антуража приговаривал никому неведомое и смешное «Адя-бадя!», и кот, как настоящая пантера, впивался в плюшевого зверя. Для Мишель это было целым представлением. Ей даже не было жаль растерзанной игрушки – ведь Марселю, да и всей семье, было так ве-

село! Вскоре кот бесследно исчез. Поговаривали, что с ним расправился сосед за то, что, якобы, Марсель трапезничал голубями из его голубятни.

Тем вечером внимание Мишель привлекло шевеление на крыше соседского дома у чердака. Зверек сначала высунул голову из окна, спешно осмотрелся по сторонам, затем на мгновение скрылся – и появился снова, торопливо перебирая лапами. Мишель подошла ближе в попытке рассмотреть, кто же там суетится. Показался пушистый силуэт с длинным хвостом.

– Кошка! – с восторгом крикнула Мишель, указав пальцем, и тут же замерла от удивления. – Мам, у нее... У нее во рту мы-ы-ы-шь? – малышка попятилась назад.

– Нет-нет, это не мышь, – мягко произнесла мама. – Подойди ближе. Сейчас ты все поймешь.

– Она шевелится!

– Шевелится, – улыбнулась мама. – Это ее малыш. Он еще не умеет сам ходить, и кошка переносит его в зубах в новое теплое место.

– У нее тоже есть дети? – Мишель округлила глаза.

– Да, такие же маленькие и беспомощные, как ты когда-то.

– Как я? И ты что, носила меня в зубах?

– Только на руках! – рассмеялась мама и взяла Мишель за руку, чтобы они вместе приблизились к спешащему зверьку.

Мишель было 2,5 года, и такого она еще не видела! Кошка,

не давая толком разглядеть свое дитя, торопливо спустилась с крыши и быстро скрылась за углом дома. Там она обустроила новое жилище для своих котят, надежно скрытое от чужих глаз.

Мишель с большим нетерпением ждала дня, когда котята подрастут, и кошка позволит ей с ними познакомиться. И в день их первой встречи принесла им молочное угощение.

С тех пор девочка подружится с кошками и не расстанется с ними в течение жизни. Ей больше нравились полосатые серые и почему-то не привлекали рыжие – особенно, если у них белые полосы. Она удивлялась своей душевной потребности в кошках и шутила, что хотела быстрее родиться, чтобы наконец обнять котенка. Хотя... уже много лет спустя она однажды догадается, что кошки были для нее заменителем человеческого тепла.

* * *

– Мам, а где бабушка? – обратилась Мишель.

– Она в своей комнате, – в голосе мамы читалась какая-то необычная прохлада.

– А можно я к ней пойду?

– Мишель, не нужно ее беспокоить. Она, наверное, отды-

хает.

По неведомым для Мишель причинам бабушка не испытывала интереса к внукам. Хотя в небольшой коллекции игрушек Мишель самая большая кукла была подарена именно бабушкой. В целом же она сторонилась молодой семьи и предпочитала вечера проводить в своей комнате в компании телевизора. А когда ее не было, Мишель тайно проходила в ее комнату, садилась на край кровати и молча рассматривала предметы. Комната была маленькой и безликой. Коричневый шкаф, тумба с телевизором, старинная швейная машинка и кровать. Через маленькое окно едва пробивался солнечный свет, а напротив росли шикарные нежные розы.

Бабушка была незаметной: носила вещи приглушенных цветов, всегда тихо входила в дом и быстро проскальзывала в свою комнату, не роняя слов. Ее губы обычно были крепко сомкнуты, как будто она никогда не разговаривала. От нее всегда веяло холодом.

Однако в ее доме, наоборот, было уютно и беззаботно. В комнатах пахло старым деревом, по утрам солнце заливало спальню золотистым светом, лучи отражались в кристаллах люстры и отбрасывали на стены восхитительные блики. Широкий подоконник служил столом. Там мама учила Мишель рисовать, собирать мозаику, делать аппликации. А зимой они вместе бесконечно удивлялись чудесным узорам на окне, которые рисовал ночью волшебник-мороз, и читали сказки. Так Мишель знакомилась с необъятным миром и уже то-

гда успела объявить пауков своими врагами: у них слишком много лап – и этим они сильно ее пугали.

А какие уютные были вечера! Родители научили девочек волшебству: надувать пузыри из жвачки! Мишель надувала прозрачно-розовый шар и мчалась со всех ног к зеркалу. Семья подыграла ей – все аплодировали, а Мишель развела пальчиками подол юбочки и, словно фрейлина, поклонилась. Она купалась в обожании родителей и не догадывалась, что оно навсегда растворится.

Вскоре крошка обнаружила, что из жвачки получается потрясающее ожерелье! Пожуеть, растянешь в тонкую нить – и можно вешать на шею. Красиво! Как у королевы! Только случилось непредвиденное: волосы на затылке подлю налипли на украшение, и чем больше Мишель пыталась их освободить – тем больше новых прядей попадало в липкий капкан. Мама засмеялась и пришла на спасение в компании с ножницами. Чик – и нет ни ожерелья, ни пряди волос. Хотя Мишель это несколько не расстраивало.

Приближался Новый год. Молодая семья придумала традицию: каждую зиму на праздники отправляться гостить к маминой сестре. Однажды туда же прилетал любимый дедушка Мишель. Он уже давно жил в Германии, поэтому встречи с ним были редкими, но всегда торжественными – с подарками и модными детскими нарядами. Он любил баловать своих уже взрослых детей и маленьких внуков. Дедушка уважал любовь Мишель к кошкам, поэтому для нее всегда

предназначались поздравительные открытки с их изображением – и она очень гордилась своей коллекцией.

– Für meine kleine Katze (для моей крошки-кошечки – нем.), – сказал дедушка и протянул открытку. Серая пушистая кошка с голубыми глазами, как живая, с интересом смотрела с картонного листа. По контуру она была обрамлена золотистой обводкой, а усы выделялись выпуклыми волнами.

Мишель погладила ее пальцем по усищам:

– Это мне? – с замиранием спросила она.

– Конечно, тебе.

Восторженная Мишель сломя голову помчалась к маме показывать свою новую открытку.

С каждым годом коллекция пополнялась, и Мишель любила ее пересматривать и демонстрировать гостям.

Какая это была замечательная жизнь!

Дедушка не мог приезжать часто, но на протяжении многих лет к каждому Рождеству и Пасхе присылал подарки и праздничные сладости. Откроешь коробку – и комнату вмиг наполнял аромат шоколада. «Запах Германии» – так называли девочки эту заботу. Именно это в недалеком будущем станет для Мишель «волшебным билетом» в короткое путешествие в радостную жизнь на протяжении многих лет.

A decorative border made of thin, elegant lines with stylized leaves and small flowers, framing the central text.

Трещина
души

Папа. В маленькой вселенной Мишель ему отводилось главное место. Он умел посмеяться так заразительно, что все вокруг влюблялись в его харизму. Она была на него похожа, и, кажется, это подобие радовало его больше, чем он сам осознавал.

Мишель с нетерпением ждала нового дня, чтобы утром снова запрыгнуть на большую родительскую кровать, уютно устроиться у его плеча и превратить его тяжелую руку в куклу – с характером, репликами и собственной жизнью. Он всегда терпеливо подыгрывал, превращаясь в декорацию для ее выдуманного мира. Не торопил и не вмешивался – понимающе ждал, когда дочка наиграется. И в этом присутствии Мишель растворялась: она любима.

Мишель обожала с ним гулять. Мама наряжала ее в красивое платье, завязывала на волосах бант – и они отправлялись в парк, а там в Мишель всегда включалась хитрая лиса: «Папа, мои ножки устали!» Он тут же сажал ее на свои плечи, и она, довольная, обозревала мир с двухметровой высоты, крепко держась за его шею.

Мишель всегда очень ждала его с работы и часто выходила встречать за пределы двора. Так было и в этот вечер.

- Мама, а где папа?
- Он все еще на работе.
- А он скоро придет?
- Я уверена, он уже выезжает.

Папа задерживался... Для Мишель это было чем-то новым. Непонятно, откуда, но она знала: на заводе не задерживаются – там рабочий день заканчивается строго по расписанию. Мама почему-то молчала и настойчиво продолжала заниматься домашними делами. Мишель не совсем утешало ее спокойствие. Детское сердце тревожно билось в груди.

– Пап, я жду тебя, – пропела Мишель в пространство и, поверив маминым словам, вышла за пределы двора ждать его прихода, словно это поможет ему быстрее вернуться. Ее глаза с надеждой пытались увидеть среди прохожих любимый силуэт. Элен последовала за ней, но ее внимание больше привлекали одуванчики, пробившиеся сквозь трещины в асфальте.

Вдруг Мишель увидела знакомую розовую рубашку в белой клетку. Облегчение! Волна радости пронеслась по ее телу. «Папа!» – радостно закричала Мишель и с распростертыми объятиями бросилась навстречу.

– Наконец-то он вернулся!

Мишель бежала со всех ног, а за ее спиной вперемешку со смехом звучало: «Мишель! Это не он! Мишель, остановись!»

Сестра старалась ее догнать и, хихикая, кричала ей вслед:

– Это не папа! Ты обозналась!

– Я так ждала!

– Мишель, да остановись же ты!

Но Мишель некогда было отвлекаться на Элен. Она до по-

следнего не верила ей и бежала, предвкушая, как крепко его обнимет. Но вдруг резко остановилась, глаза ее удивленно расширились, и она приоткрыла рот от неожиданности.

– Это действительно не он... – Мишель отчетливо увидела лицо мужчины, которого приняла за папу, и не могла поверить, что ошиблась.

Элен от смеха не могла вымолвить и слова, а Мишель было совсем не смешно. Она расстроенно опустила руки и, недоумевая, как могла обознаться, медленно пошла в сторону дома.

Тогда папа пришел поздно.

Пришел пьяный.

В их небольшой комнате, где спали они вчетвером, воздух приобрел незнакомый до этого, но вплетающийся в память запах. Приторный. Тяжелый. Едкий. Вдыхаешь его – и обжигает желудок. Запах, который позже Мишель будет называть «запах детского горя». Пройдет еще несколько лет – и она возненавидит его. А будучи взрослой, заметит особенность: после второго бокала вина ее кончик носа всегда будет неприятно неметь. Такая игра тела с психикой. Поэтому больше двух бокалов Мишель никогда не пила.

Прошла ночь – и утром папа себя вел так, как будто ничего не случилось.

– Девочки не должны тебя таким видеть, – услышала Мишель мамино возмущение, похожее на шипение.

– Ой, не начинай! Я же только один раз! – с явным раз-

дражением апеллировал папа.

Однако все начинается с первого раза...

Папа слишком часто стал приходить домой позже. Почему-то он больше не спешил после завершения рабочего дня к своей семье. А Мишель ждала...

Иногда он возвращался шатаясь, иногда – ровной походкой, лишь распространяя возле себя перегарный шлейф.

Мама изменилась. На ее былую улыбочивость и мягкость снизошла тень раздражительности и недовольства. Для нее все стало «не так». В отношении детей стал применяться строгий тон, а вечерами она отчаянно ныряла в напряженные, но безрезультатные разговоры с пьяным мужем.

– Что с тобой случилось? – с упреком спрашивала мама, наверняка, надеясь получить внятное объяснение.

– Да ничего не случилось! Чего ты ко мне прицепилась?! Ну выпил немного! – папа облачался в недоумевающий вид, и всегда отвечал с раздражением, желая отряхнуться от упреков. По нему было видно, что он действительно не понимал, почему встречается с претензиями. И очевидно, что совершенно неадекватно оценивал свое «немного», словно это слово могло прикрыть его опьянение.

Столкновение родителей в словесных баталиях было для девочек непривычным. Элен с Мишель сильно пугались. Элен затихала, поджимала коленочки к груди и обхватывала их руками. Мишель не могла даже усидеть на одном месте. Она взволнованно топталась у входа в комнату и с нетерпе-

нием ждала, когда родители помирятся.

Ежевечерние разговоры повышенным тоном стремительно переросли в ругань, затем в скандалы и... — в драки.

Мама впервые набросилась на папу, как разъяренная кошка. Кровавая царапина рассекла его щеку алым росчерком. Мишель не помнит, чтобы папа маму бил. Но он со свойственной ему мужской силой хватал на лету ее руки и удерживал до синяков, чтобы она его не колотила. Настоящий животный ужас парализовал Мишель. От страха она описалась. Она помнит страх в глазах Элен, топот маленьких ножек и визг... Вспоминая это, Мишель до сих пор слышит его в голове.

Мама отца жила в этом доме в отдельной комнате — но как будто на другой планете. Она никогда не участвовала в делах семьи своего сына — жила обособленно, как чужая. Она слышала ругань, плач и крики детей, но не вмешивалась. Лишь когда в первый раз родители Мишель слились в «кулачном бою», она вышла из своей комнаты, глаза ее резко расширились — и со скоростью света она забежала обратно в свое убежище. Это произошло так быстро, что, возможно, ее никто и не заметил. Но Мишель помнит вспыхнувшее тогда чувство надежды — когда бабушка вышла из комнаты.

— Мы не одни, — пронеслось в ее голове. — Бабушка сейчас поможет.

Наивная детская душа ожидала, что мама отца разнимет дерущихся родителей, и все успокоится. Но пожилая женщи-

на тоже испугалась и спряталась, бросив детей в их трагедии и бессилии...

– Неужели?.. Я в это не верю, – молния промчалась в душе Мишель. Теперь она ощутила, что они с сестрой никому не нужны. Тогда не было времени обдумать ситуацию. Да и дети еще не мыслят такими категориями – лишь чувствуют. В ее душе произошло что-то похожее на разбитое стекло. Наверное, так можно описать крах доверия. А потом яркими импульсами простреливали шок, неприятие, обида, одиночество...

Маленькие Мишель с Элен остались одни с воюющими друг с другом родителями. Они для детей были целым миром – и своими руками превратили его в агрессивный, незнакомый... Мишель не хотела в нем оставаться, но отныне она в заложниках – дети не имеют права выбирать. Все это было очень-очень страшно их глазами. И, конечно, серьезно повлияет на их характеры и отношение к себе.

В дополнение к пугающим скандалам почему-то мама стала падать в обморок – вероятно, от нервного истощения. Это происходило внезапно: сидела за столом – и в мгновение рухнула на пол. Папе удавалось быстро приводить ее в чувства. Малышек это пугало, еще больше внушало ощущение бессилия, но в то же время словно настойчиво требовало: «Нужно быть всегда начеку!»

Такие вечера поселили в душе Мишель тревогу. Мир резко потерял добрые оттенки. Непредсказуемость, открыв

дверь с ноги, ворвалась в ее жизнь, тайфуном пронеслась по любимым уголкам, обняла душу ледяными руками и цепкими когтями въелась в самую сердцевину уюта. Внутри – погром, а уюта – больше нет.

Папа... Оказывается, он бывает другим... Такой большой, надеждый... Любимый... Постепенно, но все же достаточно быстро он стал человеком, от которого лучше отстраниться. Такое отношение Мишель к отцу в большей степени возникло под давлением мамы. Она, наверное, желая наказать своего мужа, объясняла маленькой девочке, что не стоит поощрять его своими объятиями после такого поведения – не заслужил. В папиных поступках Мишель тоже считывала безразличие к страданиям семьи, хоть и была еще слишком маленькой. Она не могла выдержать того, если бы из раза в раз прощала его и продолжала обожать, а он продолжал приносить каждый вечер беду в дом. Поэтому она закрылась от него. Не от обиды. А чтобы не сойти с ума от разочарований. Но закрылась не резко и не сразу.

Что происходило в маминой душе – Мишель только догадывалась, уже став взрослой. Она никогда не обсуждала это с ней, потому что эта история пронизана страданиями, и те события не вернуть и не переписать. Да и не принято в семье говорить на столь неудобные темы. Впрочем, с мамой в целом не стоит говорить о папиных ошибках. Она за всю жизнь накопила ворох обид, и, кроме гнева, вряд ли что сообщит.

Мама была очень доброй, понимающей и преданной се-

мье. Она обладала какой-то невероятной емкостью мудрости. Скорее всего, поэтому ожесточенно боролась с водкой за свою семью. Однако и в ней стали происходить перемены – словно ее внутренний стержень надломился под гнетом беды. Она воевала с пьющим мужем и не прощала его. Папина тирания алкоголем всегда объяснялась ей, как его нелюбовь к семье и «ему никто не нужен». Девочки верили. Ох как это больно ударит в юности – когда все детство образ отца граничил с синонимом «ненадежность», и потом будет определять отношение девушек к себе и мужчинам...

А папа без слов и оправданий жил ради семьи. Однако его участие в воспитании дочерей сошло на нет. Он всегда работал, находил дополнительные подработки и ни разу не сказал: «Я устал. Я не могу. Я заболел,» – даже когда температурил, даже когда его скручивал гастрит, даже когда от нагрузки опухали и болели руки. Однако ценность этого в семье не была объявлена. Никогда и ни разу. И папа очень долго топил в алкоголе что-то свое. И всегда был виноват – в маминых словах.

Очередная его пьянка заставила четырехлетнюю Мишель уйти из дома. Она не хотела. Но решение было принято мамой единолично.

Папа вошел в дом шаткой походкой, принес сладости и радостно разложил их на кухонном столе – забота о детях смягчила тревогу Мишель яркими обертками шоколадок. Он посадил ее на колени и очень крепко обнял – Мишель ощутила,

что ее любят. От радости она обхватила его шею нежными ручонками и поглядывала на вход в кухню – предвкушая, что мама сейчас приведет Элен, и они приступят к дегустации сладких подарков. Мамино лицо стало гневным. Она махнула рукой и строго сказала:

– Не трогать! Он пришел пьяный. Нам не нужны такие подарки!

Мишель с вождением смотрела на шоколадки, но не осмелилась нарушить запрет. Мама завелась и снова бесконечно отчитывала папу за то, что он выпивал. Он молчал.

Время было позднее. Мама не хотела оставаться с ним в одном доме. Она собрала детей, небольшую сумку – и ушла... Дом вмиг затих.

Мишель ужасно не хотела оставлять папу. Она как будто испытывала ответственность за него:

– Как он без нас?.. – в детских мыслях это было невообразимым.

– Он не пропадет, – с презренной насмешкой в его адрес выпалила мама. – Когда вырастите, вы все поймете.

Мишель верила ей – взрослым открываются все тайны. Но все же в четыре года не понимала, как семья вдруг может жить врозь.

Остановка общественного транспорта располагалась через дорогу от дома. Мишель с мамой и Элен ожидали трамвай, чтобы уехать к родственнице. Они молчали. В одной ру-

ке мама держала ладонь Мишель, в другой – Элен, сумка – на земле у ног. Вечер ранней весны был холодным. В это время на улице всегда было сыро. На город опустился туман и покрыл коридоры улиц белой пеленой. Свет фонарей с трудом пробивался сквозь влажную молочную вуаль, делая освещение печально тусклым. Впрочем, на душе у Мишель была такая же промозглая серая сырость и грусть, но она не плакала.

Детям мучительно расставаться с родителями и не иметь возможности на это влиять. Все решают взрослые, а они, по мнению детей, часто ошибаются. Дети становятся заложниками их решений. Мишель и Элен были в безмолвном подчинении, потому что за протест мама их ругала, особенно, когда была раздражена.

Мишель стояла, как солдатик, смотрела на свой еще недавно уютный, но теперь такой чужой дом и ни о чем другом не могла думать. Злой дом. Она смотрела на непроглядную темноту в окнах – а как же хотелось, чтобы там снова зажегся свет и зазвучали разговоры, игры и смех...

Вдруг калитка открылась, и из двора вышел папа. Надежда яркой звездочкой зажглась в душе Мишель в ожидании, что он будет делать? Может, он подбежит и станет просить прощения и уговаривать не уезжать? Может, мама его простит, и они вернутся в дом? Но мама гордая... Ах как у этих взрослых все сложно!

В эту минуту в мире Мишель существовала только эта

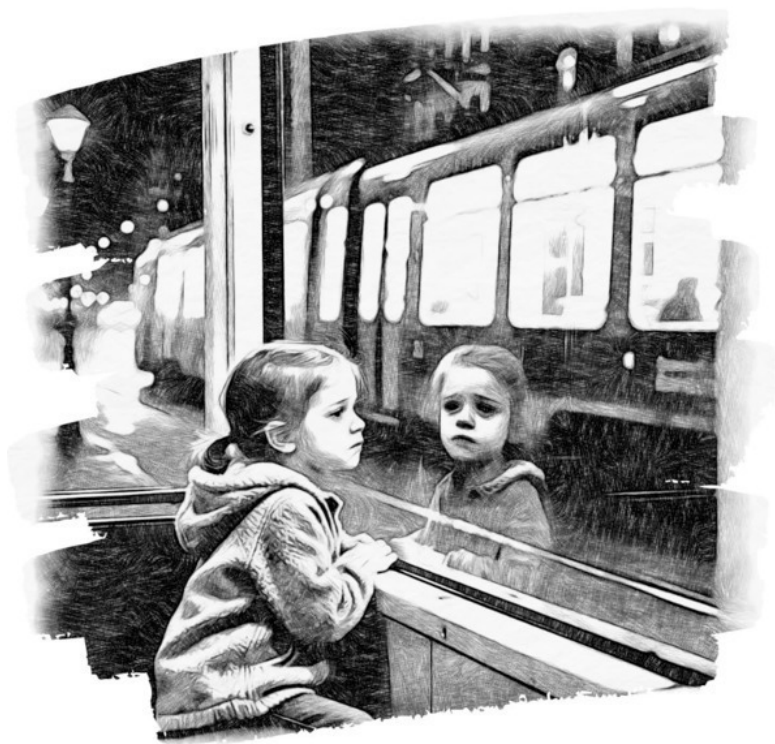
пустая улица под тусклым светом фонарей. Тишина. Семья разорвана – по разные стороны дороги, расчерченной холодным блеском трамвайных рельс.

Папа приподнял руку и помахал. Ах как ей хотелось помахать в ответ! Но мама ее отругает. Как ей хотелось броситься через дорогу к папе, обнять его и попросить прощения за то, что она его оставляет! Но мама... Что скажет мама?.. А вдруг она решит, что Мишель больше любит папу, чем ее? Что тогда? Мама обидится и откажется от нее – мол, Мишель ты сама сделала выбор?

О-о-ох... Мишель оковал ступор. Сердце рвется – тело стоит. Поступить, как хочется – нельзя, нужно подчиниться маме – так безопаснее. В маленьком сердце, как от выстрела, образовалась дыра. Это было похоже на грусть от предательства самой себя и на чувство одиночества – когда тебе кажется, что ты в этом мире один, и никто тебя не поймет.

Они уехали от папы. Он смотрел вслед ускользающему трамваю и, наверное, еще долго не возвращался в пустой дом.

Мишель обнаружила внутри себя лед.

Это событие стало для нее началом запрета на позволение себе разных желаний в жизни. Уже взрослая Мишель замечала за собой странное: когда кто-то говорил «поступай, как хочешь», она становилась неживой. Потому что «хочешь» – это было опасно и уже непонятно, как. Ей приходилось сознательно разрешать себе принимать решения после

долгих диалогов с собой и обвинения себя в нерешительности – до тех пор, пока она не поняла, когда и где зародилось такое отношение к себе.

Спустя 32 года Мишель с Элен беседовали о своем детстве. И тогда она увидела, чему научила эта история. В тот холодный вечер мама, сама того не зная, научила ее уходить отсюда, где диалог больше не имеет смысла, не допускать недостойного отношения к себе и не поощрять своей теплотой и любовью за систематические обиды. И теперь Мишель понимает: тогда, в ту ночь, она не предала отца – она спасала себя.

Спустя годы она научилась определять: быть послушной – не значит быть верной себе. И сегодня, спустя десятилетия, она с тихой уверенностью говорит себе: «Я все делаю правильно!» – не подкрепляя поступки одобрением других. Но тогда четырехлетняя Мишель переживала свою трагедию – она бросила папу, чтобы ее не ругали.

В доме родственницы все было по-другому. Просторные прохладные комнаты, блестящий деревянный пол, окна затенены ветвями старых деревьев и тишина, которую монотонно нарушало тиканье часов. Мишель там не нравилось – все было слишком чужим: иные запахи, иная жизнь. Несколько дней прошли туманно.

Мишель увлеклась катанием на кресле-качалке, проверяя, сколько усилий нужно приложить, чтобы сильнее раскачаться.

– Хотите домой? – неожиданно спросила мама.

Мишель оживилась:

– А мы не навсегда уехали? – Она соскочила с кресла и одну ладошку обхватила другой. – Конечно хотим! Там же папа! – подпрыгивая, звонко ответила Мишель, и настроение вмиг улучшилось.

– Нет, – мотнула головой Элен и обиженно надула щеки. Скорее всего, она боялась испытать все то же самое, что было перед отъездом. Она была старше на два года и, вероятно, понимала больше.

– Я думаю, нам больше нельзя здесь оставаться. Нас же никто не приглашал... Поэтому...

Печальная мама начала медленно собирать вещи...

Семья вернулась к папе. Но это уже был для Мишель другой дом. Она не ожидала – но вернулась другой девочкой. Теперь ее сердце отгородилось. В нем что-то погасло. С тех пор она больше никогда папу не подпускала так близко к своему сердцу. Она его любила, но теперь уже другой любовью: сильной, но раненой и оттого робкой и глубоко скрытой... Больше не было объятий и беззаветных ожиданий у калитки его возвращения. А он перестал приносить дочкам сладкие подарки и играть с ними, как раньше.

Его пьянство укрепляло дистанцию. Лишь повзрослев, Мишель поняла его решения и поступки. Она увидела его самоотверженность для семьи в течение жизни, пусть и на уровне, как умел. Это сформировало в ее душе уваже-

ние к нему и благодарность.

Мама больше не покидала дом. Наверное, просто потому что уйти было некуда. Наступила уже какая-то другая жизнь, которую Мишель совсем не помнит. Помнит только ощущения – нужно как-то приспособливаться, потому что все изменилось. Нужно быть готовой к печальным событиям – и от этого в детскую душу прокрадась тихая грусть. Только заботясь о котятках, она по-настоящему согревалась.

Ярким проблеском в памяти отметилось наступление очень радостного и долгожданного для родителей дня. Папа вернулся с работы раньше – Мишель напряглась. Он был трезвым, глаза его горели, а усы стали пушистыми – это был яркий индикатор его отличного настроения. Он опустил руку в карман – послышался какой-то металлический звон. Папа, смеясь, достал ключи от новой квартиры. Вместо брелка – полосочка линолеума с синим номером квартиры. Мама радостно захлопала в ладони и обняла его. Мишель заметила, как в воздухе зазвенел трепет ожидания новой главы.

– Э-э-э! – звонко прокричала Мишель.

Эхо отразилось от голых стен и вернулось к ней тихим отзвуком «э-э-э-э».

– Мам, ты слышишь? Тут эхо! – Мишель, воображая из себя зайчика, радостно проскакала к большому окну.

– Только не прыгай громко, – засмеялась мама. – У нас теперь есть соседи снизу и над нами.

Пол под ногами был скользкий и пахнул новым линолеумом. Обои – нежно-розовые с тонкими зелеными веточками и цветами украшали стены. В новой квартире пахло клеем, свежей краской и пустотой только что построенного дома. Через открытые окна теплый весенний ветер заносил в комнаты сладкий аромат цветущей вишни и свежестриженной травы. В комнатах было много света – и Мишель это вдохновляло. Все было другим – как будто легче дышать. Как будто новое место обещало благополучную новую жизнь.

Девочки получили собственную комнату. Она была очень светлой и просторной. Мама повесила на окна розовые струящиеся шторы, розовые накидки с оборками украсили расставленные вдоль стен кровати, а стену – нарисованный ангел с зеленой веточкой в руке. Мишель понравилась мамина идея повесить именно эту картинку. Теперь комната казалась сказочной, еще более воздушной и словно гарантировала защитить их жизнь от трагедий.

Папина мать осталась в своем доме и никогда не приезжала навестить внуков. Поэтому, когда она умерла (спустя много лет), Мишель не плакала – будто это чужой человек.

Элен пошла в местную школу, а родители объединились обустраивать уют. Папа расставлял мебель и вешал на стены картины, мама почти художественно заселяла полки посудой – шкафы со стеклянными дверцами будто ожили. А ее любимая книжная коллекция заняла свое почетное место в гостиной.

Мишель нашла для себя особую радость – котят, оставленных кошками у подъездов. Она находила их под скамейкой, у подвальных спусков. Гладила, играла, кормила – мама никогда не отказывала в добром порыве дочки. А потом Мишель огромными глазами смотрела на нее и умоляла оставить котенка дома. Но мама мягко находила повод для отказа.

Однажды маленькая Мишель отправилась с мамой в новый магазин за покупками. Мама дожидалась своей очереди на обслуживание, а в это время внимание Мишель привлек котенок – серо-белый комоч с взъерошенным хвостом играл со своей тенью. Лили – так его позже назвала Мишель. Она обнаружила его у витрины, незаметно проскользнула в его сторону и тут же схватила в свои объятия. Мама обернуться не успела – как ее дитя уже стоит рядом со счастливыми глазами и с полосатым котенком в руках. Так Лили обрела дом.

Мишель проводила с ней часы – кормила, играла, ходила

с ней гулять, а после утомленная Лили, свернувшись в клубочек, засыпала на коленях Мишель. Она бережно ее поглаживала и не шевелилась до тех пор, пока Лили не выспится. Именно в такие моменты Мишель чувствовала себя счастливой и настоящей. Но дружбе суждено было стать короткой – неделю с хвостиком. Вечером некогда веселая Лили сжалась в комочек и дрожала.

– Вероятно, у котенка чумка, – заявили взрослые. – Мы не сможем ее лечить. Это дорого.

Мишель плакала.

На родительском совете было принято решение отдать Лили в частный дом, где она могла бы самостоятельно лечиться, получив доступ к целебным растениям. Мишель, обливаясь слезами, прощалась со своей маленькой подружкой, понимая, что они больше никогда не увидятся.

– Для Лили так лучше, – говорил папа.

Мишель с болью в сердце кивала. Потому что так нужно было. Но внутри не соглашалась. Никогда. Это несправедливо и безответственно!

Папа с девочками направились подбрасывать Лили в чей-то двор. Мишель горько плакала всю дорогу. Папа позволил ей горевать и ни разу не пристыдил дочку за слезы на людях.

– Выздоровливай, моя любимая, – всхлипывая, сказала она на прощанье. Полосатый хвост взъерошился по ту сторону забора, и Лили шаткой походкой направилась к порогу своего нового дома...

При маме Мишель больше не показала своих слез. Она вылиwała их безудержным потоком в ванной и ночью, заглушив всхлипывания подушкой – чтобы никто не слышал. А днем – рисовала Лили, охотящуюся на бабочку. Она ви-нила себя в том, что бросила ее в такой тяжелый для нее момент. Мишель молилась, чтобы ее чудесная пушистая подружка нашла лечебную траву и смогла выздороветь. Ми-шель будет помнить ее всю жизнь и иногда проваливаться в диалог с собой, размышляя, что родителям можно было поступить иначе, если бы...

Дни сменялись днями, Мишель готовилась к поступлению в первый класс, мама учила ее чтению и письму. Элен отлично училась, а папа работал и продолжал задерживаться почти после каждого рабочего дня – шаткая походка и резкий перегар словно приросли к нему.

Дома становилось неуютно: расстроенная и напряженная мама, а оттого холодная к детям и чрезвычайно строгая, и испуганные и очень дисциплинированные дети – потому что боялись накликать на себя гнев.

Повторялись и драки...

После скандальных вечеров мама просила папу уйти с вещами из дома, развестись. Эти разговоры всегда звучали в присутствии детей. Когда Мишель слышала слово «развод», она внутри себя исчезала, и ей казалось, что ее сердце вот-вот лопнет от горя. Мишель переживала, что мама его уговорит, и он от них уйдет.

Как они выживут с мамой? Им придется переехать? Это придется объявить родственникам и подругам о разводе родителей? Как это, когда папа становится чужим? Как это, когда появляется новый папа... Как это, когда с родным папой видишься редко? А папа сможет без них? Мысли изводили Мишель, расплавляли рассудок, и уж точно ей очень не хотелось найти ответы на эти вопросы, оперевшись на собственный опыт.

Она не могла об этом спросить ни маму, ни папу – по-

тому что в ответ от мамы получила бы почти истеричное «А кому нужен такой папа?!» – словно презирая любовь Мишель к нему, «ничего, переживете» и стандартное «подрастете – поймете». А на это детям нечего ответить... Когда мама не включается в тяжелые чувства и эмоции ребенка, тогда ребенок закрывается от нее и от себя. Он замораживает чувства, потому что такой спектр не легализован в семье. Именно это и произошло с Мишель.

Она стала бояться маму. Ее отстраненности. Строгости. Неодобрения. Раздражительности. Внимания – с целью контроля. Даже взгляда. Хотелось стать незаметной. И в то же время извернуться так, чтобы получить хоть немного нежности. Она стала прятать от мамы свой страх, волнение, переживания, злость и давить обиду – ведь родителей осуждать нельзя.

И вот снова вечер. Снова в теле зима. В детской – тишина. За стеной – глухая перепалка. Потом... пауза... Мишель спряталась за углом – чтобы слышать все, что происходит...

И вдруг:

– Господи, останови мое сердце, – услышала Мишель мамины слова сквозь слезы.

– Господи, забери у меня жизнь, – снова раздалось из кухни.

Мишель оцепенела. Тело укрыли ледяные мурашки. Ногти впились в ладони.

– Мама не хочет жить! – животный страх потери заставил

тело дрожать. Вмиг в голове Мишель выстроились картинки, где она наполовину сирота. Папа все так же пьет. Дети никому не нужны – а соседи лишь сочувственно на них поглядывают и шепчутся. Мишель ощутила, как печать глубокого несчастья может слиться с ней навеки. Голова наполнилась жаром. Сердце стучало в ушах. Она тщетно пыталась избавиться от навязчивых сцен.

– Маме даже дети не важны, раз она молится о смерти? Она же всем говорила, что дети для нее – самое ценное в жизни...

В Мишель вцепился ступор. Она не была согласна с таким желанием. Она хотела ворваться в комнату и наброситься на маму с обвинениями. Она хотела упрекать ее в этих мыслях, в безответственности. Но уже знала, что любое действие, неугодное маме, обернется против нее. Тем более сейчас. Мишель прилипла к стене и принялась шептать молитву: «Господи, пожалуйста, не выполняй мамину просьбу. Пожалуйста, пусть она живет. Пожалуйста, Господи... Хочешь? Я тебе чем-нибудь заплачу? Сейчас все восхищаются моими ногтями – заberi у меня ногти, мне они не нужны, и восхищение со стороны не нужно – только пусть мама живет... Умоляю.»

Ногти... Детское отчаяние... У Мишель чуть-чуть отрасли ногти – это было позволено только на каникулах. Подружки делали ей комплименты, какие они красивые. Мишель даже гордилась ими и, как любая девочка, часто любовалась.

После того, как она услышала мамины молитвы о смерти, в детской душе возникла готовность отдать что-то значимое, лишь бы мама жила – она хотела по-детски выкупить мамину жизнь.

Позже Мишель увидит, что случилось самопрограммирование. Больше у нее не было крепких здоровых ногтей. Всю жизнь она пыталась укрепить их – а они тонкие, как бумага... Лишь однажды они выросли – когда ее семья была в смертельной опасности. Чтобы снова выменять жизнь?

После этого вечера Мишель приходила в себя несколько дней. Она бесконечно проигрывала в голове мамины слова и старалась найти решение – как маму отвлечь от этих мыслей. Мишель старалась порадовать ее своими хорошими оценками, веселыми историями с уроков – лишь бы мама снова улыбнулась и расслабилась. Мама то ли подыгрывала ей, то ли действительно отвлекалась – черты ее лица стали мягче и взгляд более спокойным.

До дня рождения Мишель оставалось два дня, но настроение праздновать, казалось, в этом году не посетит их дом.

Утром Мишель услышала мамин шепот:

– У ребенка завтра день рождения. Не пей эти два дня, ладно?

– Понял. Не буду.

– Посмотрим... – подумала Мишель.

Щелкнули дверные замки – папа уехал работать. Мишель не подавала виду, что услышала их разговор. Она еще поси-

дела в своей комнате, пытаюсь принять маску хорошего настроения. И только потом, почувствовав, что может скрывать грусть, вышла.

Из кухни доносилась какая-то суэта: звенела посуда, шуршала бумага – мама, повязав на талии красивый фартук, принялась печь праздничный торт. Мишель это очень обрадовало и удивило: как преобразилась эта, еще вчера печальная, женщина.

Мама накрутила локоны, включила любимую музыку и, подпевая, движение за движением перевоплощала кухню в мастерскую волшебства: яйца превратились в пышную пену, запах ванили невидимыми струйками расползлся по кухне. Мама аккуратно всыпала сахар – он стремительно таял, как снег, под звон венчика, который напоминал музыку праздничного колокольчика. Тесто постепенно густело, становилось шелковистым. Мишель наблюдала, затаив дыхание и не моргая. Корж отправился в духовку – и дом наполнился теплым сладким ароматом, зарождая в Мишель предвкушение завтрашнего дня.

Мама продолжила колдовать, подготавливая воздушный крем разных оттенков для украшения торта. В эти минуты Мишель любовалась, насколько мама увлечена – глаза ее наполнились интересом и ожиданием, движения выверенные, а в руках, как по взмаху магической палочки, ингредиенты превращались в ароматные сладости. Мишель давно не видела ее в таком приподнятом настроении.

Следующим утром вся семья собралась у кровати Мишель – поздравлять именинницу. Как приятно видеть всех улыбающимися! Родители вручили Мишель подарок – волшебную доску для рисования, а вечером папа принес букет цветов. Он сдержал слово – и действительно вернулся домой трезвым. Мама накрыла праздничный стол, приготовила любимый Мишель салат и пригласила друзей семьи. Получился настоящий добрый праздник: со смехом, музыкой, танцами, подарками и тортом со свечами. Мишель долго не могла уснуть от впечатлений. Она вспоминала день в деталях, стараясь сохранить их в памяти, как яркие фотографии в фотоальбоме жизни.

Элен простудилась, и к вечеру у нее поднялась высокая температура. Мама боялась оставлять ее на ночь одну и решила спать рядом. Лишней кровати у них не было, поэтому она постелила для Мишель рядом с папой, а сама расположилась на ее кровати. К счастью, простуда оказалась несерьезной – к утру Элен уже ожила и выглядела бодрой.

Утром семья, как обычно, разошлась по своим делам. Однако Мишель испугала маму бледностью – и та предложила ей остаться дома. У нее внезапно началась сильная тошнота и рвота. Мама уложила ее на диван в гостиной, отпаивала травяными чаями и все время была рядом, отвлекаясь от бытовых хлопот.

Мишель закрыла глаза. Кто знает, сколько времени прошло. Мама зашла неслышно, на цыпочках, и присела на край постели. Мишель чуть приоткрыла глаза и увидела маму. В ней больше не было строгости – лишь усталое беспокойство. Ее рука с тонкими пальцами, теми самыми, что в юности выводили музыку из черно-белых клавиш, изящно скользнула ко лбу. Остыла? Или жар все еще держит? Мама погладила Мишель по волосам, как будто воспроизводила сонату Бетховена или завершала отголосок той музыки, которой мама когда-то жила. Она редко была такой нежной. А сегодня – какой-то особенной.

В гостиной был включен телевизор с каким-то фильмом. Мишель не вникала в сюжет, и даже не поворачивалась

к экрану. Но ее внимание привлекло какое-то веселье и звон бокалов. По сюжету фильма компания мужчин что-то праздновала и выпивала спиртные напитки. Приторный концентрированный запах перегара, как хищный зверь, подкрался к Мишель – и у нее снова начался сильный приступ рвоты. Тогда стало понятно: когда девочка спала рядом с папой, она всю ночь дышала его перегаром и отравилась – как отравляются угарным газом.

Папа не планировал прекращать выпивать, а мама не собиралась проигрывать битву с алкоголем – и изводила его скандалами. Дети отвлекались от событий уроками и дневными играми с детьми на улице. Они собирались всем двором: устраивали конкурсы, концерты и многочисленные игры.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.